

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1+165+009

ПЕРСПЕКТИВИЗМ, СФЕРА ДОЛЖНОГО И ОБЪЕКТИВНОСТЬ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ *

Т.М. ТУЗОВА^{1,2}, Е.А. АЛЕКСЕЕВА²

¹БИП-Институт правоведения,

г. Минск, Республика Беларусь

²Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси,

г. Минск, Республика Беларусь

Анализ возможностей достижения объективности социогуманитарного знания с необходимостью предполагает учет таких характеристик познавательного опыта субъекта, как его горизонтность и неизбежный перспективизм. И хотя в настоящее время наличие последних уже не оспаривается, они, вместе с тем, требуют систематического исследования и экспликации их последствий для философского обоснования объективности социогуманитарного дискурса.

«Горизонтность» и «перспективизм» как характеристики познания непосредственно связаны с конечностью человеческого существования, выражающейся, в т.ч. в темпоральности человеческого опыта³ и неизбежной расположенности человеческого существа в реальном, социальном, интеллектуальном и аксиологическом пространствах. Горизонтность и перспективизм выражают принадлежность субъекта познания этим пространствам («точкам», из которых мы воспринимаем, понимаем и действуем, или ракурсам, в которых нам открывается мир), его встроенность в них. Перспектива есть «не только тот способ, каким объекты скрывают себя, но и тот, каким они себя разоблачают» [1, с. 102].

Кроме неустранимой («естественной») темпоральности и ограниченности человеческого опыта, «горизонтность» связана и с некоторыми специфическими и не всегда осознаваемыми препятствиями на пути познания. Выявление этих препятствий является одной из постоянных задач философской рефлексии над познанием в силу того, что оно никогда не может быть завершено. (Примеры несомненных удач в выявлении и анализе подобного рода препятствий – бэконовское учение об «идолах», «осаждающих умы людей», концепция «объективных мыслительных форм» К. Маркса.)

Кроме указанных затруднений (конечность, объективные и субъективные «помехи», осаждающие ум), обуславливающих принципиальную «горизонтность» субъекта познания (упрощенно говоря, ограниченность его «горизонта»), мы можем выделить и не столь часто замечаемое препятствие, связанное с индивидуальной установкой познающего субъекта. Его можно условно назвать «*дефектом интенции*». Дело не только в том, что в самом процессе познания мы встречаемся с определенными трудностями, ограничивающими наши возможности, но и в том, что можно «не хотеть» познавать, не стремиться к познанию, по крайней мере, к объективному познанию. В самом начале «Метафизики» Аристотеля мы встречаем следующее рассуждение: «Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» [2, с. 65].

Согласившись с положением Аристотеля, что существует естественное влечение к чувственным восприятиям, усомнимся, однако, в том, что оно достаточно для доказательства его тезиса. Если воспользоваться выражением Платона «прекрасное – трудно», можно сказать: познание – трудно. И влечение к нему, конечно, – не «от природы». Объективность – результат интенции, *контрнаправленной* по отношению к естественному существованию человека, поскольку требует перестройки его мыслительного аппарата, срезания его непосредственных содержаний и опреде-

³ Темпоральность в данном случае не совпадает с ее феноменологической интерпретацией как темпоральности сознания. Говоря о неизбежной темпоральности опыта познания, мы имеем в виду опыт познания как синтез во времени (неизбежно ограниченном, конечном времени), претендующий, вместе с тем, в случае науки, на универсальность. Темпоральность и ограниченность мы распространяем не только на опыт индивидуального субъекта, но и вообще на социально-исторический опыт: культурная определенность или ментальность определенных эпох имеет собственные интеллектуальные горизонты.

ленностей (индивидуально-психологических, культурных, социальных и т. п.), привычных механизмов восприятия, мышления и оценки.

О сложностях, создаваемых «перспективизмом» различных субъектов, а также уровней, сфер и типов социогуманитарного познания. Реальное, социальное, интеллектуальное и аксиологическое пространства, в которых расположены человеческие существа, можно дифференцировать. Самый простой пример перспективизма – перспективизм перцепции, продемонстрированный феноменологией (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти и др.). Социальное пространство – не только принадлежность к определенному классу или стране. Можно говорить об определенных социальных «перспективах», связанных с государственной принадлежностью, национальностью, властными отношениями, уровнем образования, гендерными различиями и т. д. «Социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления: например, деления экономического или деления этнического. Если и верно, что в наиболее развитых, с точки зрения экономики, обществах экономические и культурные факторы имеют наибольшую дифференцирующую власть, то, тем не менее, сила экономических и социальных различий никогда не бывает такой, что невозможно организовать агентов в соответствии с другими принципами деления: этническим, религиозным или национальным, например» [3, с.184].

Социогуманитарное познание в значительной мере дифференцирует социальный перспективизм, выделяет его различные виды. Имеется в виду как учет социальной позиции изучаемых членов сообщества, так и влияние на содержание и структуру социогуманитарного познания социальной позиции исследователя. Вопрос адекватного определения «социальной перспективы» как исследуемого, так и исследователя продолжает оставаться объектом внимания современной социологии, стремящейся, в частности, установить связи зависимости между различными социально значимыми определениями. Так, Э. Гидденс отмечает недостаточную изученность в современной социологии гендерной проблемы, а также вопроса о взаимовлиянии теоретически выделяемых видов социальных различий. «Сегодня остается открытым вопрос о том, в какой степени гендерные различия могут быть объяснены в терминах других социологических концепций и понятий (класса, этнической принадлежности, культурной среды и так далее), и, напротив, в какой степени другие социальные различия нуждаются в объяснении в терминах гендера. Безусловно, некоторые из важнейших задач социологии как объясняющей науки будут в дальнейшем связаны с эффективным разрешением этой дилеммы» [4, с. 502].

Мы предлагаем выделить *аксиологическую* составляющую в качестве самостоятельной и независимой переменной, определяющей перспективу социально-гуманитарного исследования. Самостоятельной и независимой в том смысле, что аксиологическая позиция исследователя не может быть непосредственно выведена из каких бы то ни было его индивидуальных, социальных и культурных определений. Всякая наука требует от исследователя выхода из своей конкретной обособленной ситуации в некое универсальное пространство, приостановки и «взятия в скобки» препятствующих этому частных различий. В этом смысле – в смысле требования универсальности – объективность социогуманитарного познания подобна объективности естественных или точных наук. Никто не будет говорить о пролетарской, мелкобуржуазной или феминистской математике, физике или географии. Эти науки или универсальны, или они не существуют в качестве наук.

Такое же требование можно предъявить и к объективности социогуманитарного познания. Разумеется, подобное требование – регулятивная идея, поскольку мы знаем, что любые науки подвергаются определенному социокультурному влиянию, но дело методологической рефлексии – выявлять и, по возможности, если не элиминировать, то учитывать влияние такого рода посредством соответствующих отсылок (*раскрывающих неизбежное присутствие перспективы видения и восприятия исследователя*) при описании характеристик и поведения изучаемых объектов. Это расширяет наше самосознание, делает нас открытыми другим перспективам и способными позиционировать различные перспективы как дополнительные.

Сказанное относится к вопросу о сходстве естественнонаучного и социогуманитарного познания. Однако именно аксиологическая переменная, если мы вообще признаем ее наличие в социогуманитарном познании, казалось бы, дисквалифицирует его объективность. Это было бы так, если бы было возможно *постулировать* субъективность и иррациональность аксиологического измерения в целом. Но нам представляется, что такая точка зрения не может быть философски обоснована (тем более, само собой разумеется, что она не может быть обоснована *внутри* науки) и фактически является *пережитком* позитивизма. Тот факт, что ценностная позиция не может быть выведена из фактов или сведена к ним, нисколько не влияет на решение вопроса о ее объективности: объективность не может быть сведена к измерению фактического или общепризнанного. И

хотя в современной социокультурной ситуации, характеризующейся размыванием всякого рода культурной и ценностной иерархии, наблюдается смешение общезначимого и общепризнанного, это смешение неприемлемо для любой науки, ибо уничтожает саму идею научности. Основанием для лишения объективной значимости ценностей или ценностного измерения в целом зачастую является утверждение о принципиальном различии (индивидуальных и социокультурных) ценностей, о том, что не существует *общепризнанных* ценностей. Однако любая наука, ориентируясь на объективность и общезначимость, не может не отвергать критерий общепризнанности, не выводить его за рамки научных норм. Можно ли, к примеру, решать вопрос об истинности и достоверности математических и физических теорий, основываясь лишь на том, общепризнанны они или нет?

Объективность аксиологического измерения социогуманитарного познания в такой же мере не может быть поставлена в зависимость от «общественного мнения» в любой его форме, она не может быть поставлена в зависимость не только от сферы «докса», но и от (всегда историчных) конвенций соответствующего научного сообщества.

Что касается претензии социогуманитарного знания оставаться только на уровне беспристрастного описания «фактов», то следует заметить, что именно при рассмотрении и интерпретации социально-культурной реальности, отличающейся принципиальной *историчностью*, такого рода «беспристрастность», отказ от обращения к аксиологическому измерению, к измерению «должного», может обернуться некритическим признанием налично существующего в качестве неизменного, вневременного, «естественного» образца. Мы хотим подчеркнуть, что в социально-гуманитарном познании именно *сфера «должного» способна блокировать историко-культурную ограниченность (горизонтность и перспективизм) субъекта познания (и субъекта действия)*. И тем самым являться как бы резервуаром творческого развития не только познания, но и самой исторической действительности.

Приведем два примера. Первый касается оценки исторического действия, легитимирующего себя «знанием фактов». Мы имеем в виду статью Ж.- П. Сартра «Кто такой коллаборационист?» (1945). Сартр анализирует коллаборационизм как выбор, индивидуальное решение и отвергает любые попытки коллаборациониста оправдать себя «объективным знанием ситуации», «тяжелым уроком фактов». За так называемым «реализмом» коллаборационистской позиции скрывается страх «делать человеческое дело», «приниматься за что-то без надежды, упорствовать без успеха». Коллаборационист подчиняется фактам и «переворачивает» мораль: вместо того чтобы судить о факте в свете права, он основывает право на факте; его имплицитная метафизика идентифицирует бытие и долженствование [5, р. 53; 55]. Человек же не должен подчинять цель фактам, его цель не должна «извлекать из них свое существование». «Соппротивление» показывает: роль человека состоит в том, чтобы уметь сказать «нет» даже фактам, когда кажется, что он должен им подчиниться.

Второй пример необходимости аксиологического измерения в социальном познании можно найти у Л.Н. Толстого. Мы имеем в виду его критику социальных учений позитивизма, на которую, на наш взгляд, не было обращено должного внимания (возможно, потому, что эта критика осуществлялась Толстым в контексте более общей критики современной ему культуры вообще: науки, искусства, государственности, церкви и т. д. и сопровождалась изложением собственного учения, которое в этом контексте достаточно часто однозначно клеймилось как «обскурантизм»). Однако Толстой, критикуя позитивизм, совершенно справедливо замечает, что призыв исследовать и излагать «только факты» не имеет смысла, поскольку фактов в точном смысле слова бесчисленное множество и отобрать их можно только на основе теории. Вместе с тем сама теория позитивистской социологии, по мнению Толстого, страдает существенным недостатком. Этот недостаток, на наш взгляд, можно обобщить следующим образом: позитивистская теория отождествляет наличное социальное существование с естественными и неизменными принципами социального существования вообще, не замечает принципиальной историчности и, следовательно, необязательности именно данной, конкретной формы социальной организации. И именно это непризнание «перспективизма» собственной социально-культурной позиции лишает позитивистскую социологию объективности.

Критикуя позитивистское понимание общества и человечества в качестве «организма» и справедливо оценивая его скорее в качестве метафоры («хорошенькое сравнение, уместное в басне, но никак не могущее служить основой науки» [6, с. 332]), Толстой отмечает произвольность данной посылки, поскольку «в человечестве отсутствует существенный признак организма – центр ощу-

щения или сознания» [6, с. 332-333]⁴. Позитивисты, изучая жизнь человеческого общества, стремятся устранить аксиологическое измерение, единственное измерение, дающее возможность социальному познанию преодолеть узкий горизонт наличного существования. «С тех пор как есть люди, разумные существа, они различали добро от зла..., искали истинный, наилучший путь и медленно, но неотступно продвигались на этом пути. И всегда, заграждая этот путь, ставились перед людьми различные обманы, имеющие целью показать им, что это не нужно делать, *а нужно жить, как живет*» [6, С. 343]. / Курсив наш. – Т.Т., А.Е./

Аксиологическое измерение социогуманитарного познания, таким образом, является не только тем, что изначально задает горизонт и перспективу познавательной деятельности его субъекта, обуславливая исходные картину мира, образ человека и понимание характера фундаментальной связи между ними, но и тем, что, расширяя перспективу познания, служит способом (средством) *удостоверения* получаемого знания. И в этом усилии удостоверения знания обращением к сфере «должного» нас не должна смущать та, возможно, непреодолимая граница между нею и фактическим, между философскими, ценностными «ирреальными горизонтами» и реальным опытом. Ведь само философское утверждение специфичности человеческого существования (познания, действия) неотделимо от допущения этих оппозиций и горизонтов; и если мы говорим о том, что философ «тестирует» реально происходящее, то о самих этих «тестах» можно сказать, что, при всей исторической вариативности их внутренних элементов, исторически инвариантным остается именно выстраивание самих этих оппозиций в «тесте». «Тесты» философа и есть выстраиваемые им «ирреальные горизонты», горизонты ценностей как «предельного». Такова неотъемлемая характеристика не только науки с ее так наз. «идеальными объектами», но и философии с момента ее возникновения до наших дней. Даже экзистенциальная феноменология, критикующая вслед за Ф. Ницше предшествующую философию за операцию «удвоения» мира (полагание «иллюзии мира за сценой»), выстраивает оппозиции фактического и должного как способ понимания, удостоверения и оценки реального, как средство определения возможностей сознательной и ответственной самотрансформации нашего опыта, в т. ч. познавательного. «Переход к иному порядку, осуществляемый с опорой на настоящее, – таково отныне абсолютное условие существования достойной своего звания философии» [7, С. 74].

Таким образом, неизбежные горизонтность и перспективизм познавательного опыта, неустрашимое присутствие в нем аксиологической составляющей не лишают социально-гуманитарное познание его объективности. Напротив, обращение к этим размерностям познания и их методологическая отрефлексированность в контексте сферы должного (предельного) дают возможность преодолевать индивидуальную, историческую и социокультурную ограниченность, позиционировать социогуманитарные дискурсы как дополнительные и строить новые проблематизации человеческого опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб., 1999.
2. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. / Аристотель. – М., 1975.
3. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё. – М., 1994.
4. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 2001.
5. Sartre, J.-P. Situations / J.-P. Sartre. – P., 1949. – V. 3.
6. Толстой, Л.Н. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 16. / Л.Н. Толстой. – М., 1964.
7. Мерло-Понти, М. В защиту философии / М. Мерло-Понти. – М., 1996.

**Подготовлено при поддержке БРФФИ, договор № Г09-170 от 15.04. 2009 г.*

⁴ Заметим, что современные социологи выдвигают аналогичный тип критики в адрес теоретиков функционализма: «по мнению многих критиков, функциональный анализ наделяет общества такими качествами, которыми они в действительности не обладают. Функционалисты часто пишут о «нуждах» и «целях» обществ, не принимая во внимание, что эти понятия имеют смысл только в применении к отдельным индивидам. Возьмем, например, данный Мертонем анализ танца дождя. По Мертону, данная церемония способствует интеграции культуры Хони; показав это, мы как бы объяснили фактическую причину, хотя мы знаем, что танец на самом деле не вызывает дождь. Это было бы рациональным объяснением лишь в случае, если принять постулат, что общество Хони «побуждает» своих членов совершать «нужные» для него действия. Однако это не так: общества не обладают силой воли и не ставят перед собой цели, ими располагают только индивиды» [4, с. 492].

PERSPECTIVITY, DUE SPHERE AND OBJECTIVITY IN SOCIALLY-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

T.M. TUZOVA, E.A. ALEKSEEVA

Summary

Inevitable horizontness and ineradicable perspectivity of socially-humanitarian knowledge, its axiological constituent are shown. It is proved, that these characteristics at all do not deprive socially-humanitarian knowledge of its objectivity. On the contrary, their methodological reflection helps to overcome individual, historical and cultural limitations. In socially-humanitarian knowledge just the sphere of "due" is capable to block horizontness and perspectivity of the subject of knowledge, being the reservoir of creative development of knowledge and the historical reality in itself.

© Тузова Т.М., Алексеева Е.А.

Поступила в редакцию 12 мая 20011 г.